

Литература, критика и искусство

СОВЕТСКАЯ АВИАЦИЯ

«Советский летчик, собиравшийся в два дня пролететь от Москвы до Парижа, застрял из-за порчи аппарата надолго в Германии».

(Из газет).

— В Париж вас уже ждут - неждутся!
— Ждут? Не дожидутся!

В Париж вас уже ждут - неждутся! Ждут? Не дожидутся!

АНГЛИЯ

— На этой неделе Барнаду Шоу исполнилось 70 лет.

ВЪ САДУ

Замѣтки писателя

ЛУКІАНЪ НАШЕГО ВРЕМЕНИ
КЪ 70-ЛѢТІЮ БЕРНАРДА ШОУ

Барнард Шоу, которому недавно исполнилось 70 лѣтъ, — интересная и крупная фигура современнаго литературнаго міра.

Я живо помню, когда и какъ Барнард Шоу произвелъ на меня сильное впечатлѣніе своеобразной и крупной индивидуальности. Было это давно, въ 1896 году, въ Лондонѣ, гдѣ-то въ центрѣ города, на засѣданіи «Фабіанскаго Общества», когда Уэббъ (или Веббъ) читалъ въ видѣ доклада отрывки изъ своей «Промышленнаго демократіи» на тему о значеніи... бюрократіи въ общественно-государственной жизни. То, что говорилъ Сидней Уэббъ въ этомъ засѣданіи знаменитаго по своему еретичеству въ лѣтотпись социализма общества, я запомнилъ на всю жизнь. Настолько меня поразило чрезвычайно умное, опиравшееся на множество фактовъ, наблюдений и сопоставлений оправданіе бюрократіи въ устахъ англичанина, да еще и социалиста. Теперь эти соображенія Уэбба или Уэббовъ о еущемъ и значеніи бюрократіи всякій можетъ прочесть въ ставшей классической и дѣйствительно образцовой книгѣ знаменитыхъ супруговъ о промышленной демократіи, подъ каковымъ наименованіемъ эта ученая чета изображаетъ, разбираетъ и критикуетъ англійскіе рабочіе союзы, т. н. трэдъ-юунионы. Сдѣлавшись преподавателемъ высшей школы, я неукоснительно обращалъ вниманіе своихъ слушателей и учениковъ на содержащееся въ книгѣ Уэббовъ критическое, въ точномъ и лучшемъ смыслѣ слова, разсмотрѣніе бюрократіи. Мнѣ всегда казалось также полезнымъ пропагандировать книгу Уэббовъ среди государственныхъ дѣловъ, которые обыкновенно о Уэббахъ ничего не знаютъ.

На этомъ памятномъ мнѣ засѣданіи «Фабіанскаго Общества» Барнард Шоу выступилъ съ блестящими по остроумію и превосходно сказанными возраженіями на Уэббу. Но грѣшный человекъ: кромѣ общаго впечатлѣнія остроумія и блеска, мнѣ изъ этого выступленія ржало великанъ — ирландца (Шоу былъ «ржій-красный» — человекъ опасный и къ тому же исполнителя роста) ничего не запомнилось. И, я думаю, это неслучайно. Во всемъ, что пишетъ, говоритъ и вообще «производитъ» Барнард Шоу, нѣтъ того, что мой покойный гимназическій учитель исторіи, добросовѣстный и вѣрный В. А. Генингъ называлъ «сушностью», пронизывающаго «сушность». Барнард Шоу несравненно талантливѣе и ярче Сиднея Уэбба. Въ послѣднемъ, во всей его манерѣ писать и вообще «давать себя», есть что-то тумоватое. Но его мысли ясны, его высказыванія содержательны. Сухое и сѣрое подчасъ изложеніе Уэбба всегда существовало. Барнард Шоу же мыслитъ ослѣпительными изреченіями, подчасъ заостренными въ вызывающіе читателя и надвѣвающийся надъ нимъ парадоксы. Онъ — социалистъ, но самое лучшее, если не единственное цѣльное, что Шоу написалъ о социализмѣ, есть убійственная критика нѣкоторыхъ нелѣпостей, лежащихъ въ основѣ социалистической вѣры (когда-то переводъ этого замѣчательнаго Essay Шоу о социализмѣ былъ по моему инициативѣ помѣщенъ въ «Русской Мысли»).

Шоу — драматургъ, но его драмы состоятъ не въ дѣйствіи, а въ интересныхъ, подчасъ весьма глубокихъ мысляхъ и взглядахъ, которые высказываютъ т. н. «дѣйствующія лица».

Барнард Шоу самъ охарактеризовалъ себя однажды, какъ журналиста и при этомъ воспѣлъ хвалебный гимнъ «журнализму», какъ литературному роду.

Я не думаю, чтобы эта самохарактеристика была вѣрна. Шоу на самомъ дѣлѣ больше, чѣмъ журналистъ, и нѣчто иное.

По своему мировоззрѣнію онъ тонкій скептикъ съ благостнымъ оптимистическимъ уклономъ, въ отличіе отъ Монтеня и Паскаля, которые были скептиками — пессимистами. Оптимистическій скептицизмъ сближаетъ Шоу съ другими крупными, но отнюдь не великими, писателями современности, съ Анатолемъ Франсомъ. И въ отношеніи ихъ обоихъ, и Франса и Шоу, лишь съ натяжкой можно говорить о мировоззрѣніи. Будучи скептиками, они оба недостаточно пессимисты для того, чтобы имѣть мировоззрѣніе. Ибо изъ скептицизма лишь въ его пессимистическомъ оборотѣ можетъ родиться настоящее мировоззрѣніе.

По формѣ же, по литературному стилю въ широкомъ смыслѣ, Барнард Шоу — эссеистъ — диалектикъ.

Поэтому то онъ для того, чтобы высказать мысли, не просто пишетъ, а сочиняетъ драмы. Драматическая форма нужна ему, какъ діалогъ, ибо Шоу — прирожденный спорщикъ. Въ этомъ отношеніи Шоу, который почти кичится своею «современностью», глубоко античенъ. И когда осмысливаешь оригинальный образъ этого страстнаго спорщика, вѣчно ведущаго «прю» и прежде всего съ самимъ собою, — то вспоминается фигура знаменитаго сатирика древности, остроумца и остроумца Лукіана, который въ своихъ діалогахъ смѣялся надъ всѣмъ, надъ языческими богами и надъ христіанскою вѣрой, надъ сильными міра сего и надъ «жертвами общественнаго темперамента». Только Барнард Шоу добрее Лукіана и, соответственно особенно обостренной потребности нашего времени въ зрѣлищахъ и дѣйствахъ (хотя бы безъ дѣйствій!), онъ пишетъ не просто остроумные діалоги, а театральныя пьесы. Совершенно вѣрно кто-то недавно сказалъ, что Шоу — очень добрый человекъ. Эта доброта предохраняетъ его и отъ пессимизма и отъ слишкомъ большой... глубины. Но зато она и смягчаетъ и притупляетъ его остроуміе и остроту словъ. Въ Шоу нѣтъ ни равнодушнаго смѣшка Лукіана, ни той горечи подлинной сатиры, которую великій русскій писатель, говоря о себѣ, разъ навсегда охарактеризовалъ какъ «невидимую міру слезу». Поэтому Барнард Шоу далеко и до упадочной яловости Лукіана и до христіанскіхъ скорбныхъ рычаній Гоголя.

Ржій, нинѣ уже весьма посѣдѣвшій, ирландецъ, несмотря на свою наружность не то бога, не то сатира, несмотря на ослѣпительную и вызывающую форму своихъ парадоксальныхъ изреченій, въ весьма большой степени — добродѣтельный резонеръ и чувствительный добрый.

Петръ Струве.

Изъ советской беллетристики

М. БУЛГАНОВЪ. Дьяволада. Рассказы. Издат. «Мѣдра» (Мос. Гос. Обѣд. Полигр. Пром. — Мосполиграфъ). 1925, стр. 180.

Года два назадъ г. Булгаковъ выпустилъ повѣсть *Роковыя лица*, о которой я въ свое время писалъ на страницѣхъ *Возрожденія*. Повѣсть была превзвѣстная, и поэтому я съ большимъ интересомъ влялся за новую книгу ея автора.

Но, къ сожалѣнію, мой интерес оказался обманутымъ: кромѣ вышеупомянутыхъ *Роковыя лица* — все остальное въ *Дьяволадахъ* — второстепенно.

Направленіе творчества г. Булгакова — любопытно: Жизнь здѣсь раскрывается, какъ безумный, дьявольскій сумбуръ сплошной бессмыслицы, что нестремительно обрушивается на обычныхъ, съ рѣзкими людьми, губя ихъ безповоротливо съ нелѣпой безжалостностью.

Продовъ подобнаго мироощущенія найди, конечно, не трудно: это, отчасти Гофманъ, отчасти Достоевскій — *Двойника* (съ послѣдними особенно схожа *Дьяволада* или повѣсть о томъ, какъ близнецы погубили дьяволоводителя), а главнымъ образомъ — Гоголь петербургскихъ повѣстей (приметности съ комъ не скрываетъ и самъ г. Булгаковъ).

Прежки — хороше и самый подходъ къ темѣ — художественно интересно, но, къ сожалѣнію, въчетомъ (повторяю) *Роковыя лица* — какалъ то недодѣланность влчательно понижаетъ цѣнность содданнаго г. Булгаковымъ.

Въ *Дьяволадахъ* правильно поставлена задача: все возрастающее безуміе, угады зающе въ сумочномъ быту советскаго учрежденія аболду пласку сатирическихъ наважденій; но г. Булгаковъ, «спересобуриль»: невнятна, скачка черезъ пень колоду, въ предѣлахъ здраваго смысла, здѣсь, конечно, необходимо, однако не въ такой мѣрѣ, чтобы произведеніе дѣлалось неяснымъ по самому внутреннему существу своему; между тѣмъ у г. Булгакова найдено именно такая внутренняя безглаголиа на складу, ни ладу.

«Похожденія Чичикова» любопытны, какъ заданіе — перенести гоголевскіхъ героев въ обстановку советской Москвы, но выполнено это заданіе слишкомъ фельетонно. «Ном. 13. Домъ Банитъ — Рабочимъ» — средній рассказъ, не лишній советскаго бытоваго трафарета.

Лучше другіе *Китайская исторія*. Этой повѣсти о молодомъ китайцѣ, который хотѣлъ вернуться домой, а вмѣсто того, попалъ въ красную армію, сталъ знаменитымъ пулеметчикомъ и погибъ въ битвѣ съ бѣлыми — въ полномъ недоумѣніи, почему и зачѣмъ погибъ? — довольно искусно выявлена любимая мысль автора, его лейтъ-мотивъ — коренное, неодолимое бессмыслие міра и жизни.

Владимиръ Надшевъ.

РОССІЯ ЗАРУБЕЖНАЯ

— Повѣсть П. Н. Краснова «Амазонка пустыни» печатается во французскомъ переводѣ въ газетѣ «Либерте». Его же романъ «Отъ Дуванлага Орда къ красному знамени» выйдет по французски.

— 21 августа этого года исполняется 5 лѣтъ со дня смерти въ Швейцаріи П. Д. Боборича.

— Въ Парижѣ организовалось молодое издательство подъ названіемъ «Новый Домъ» Литературной частью издательства заведующій: Нина Берберова, Довидъ Кнутъ, Юрій Терпигановъ и Всеволодъ Фохтъ. Съ октября мѣсяца издательство предпринимаетъ выпускать литературный ежемѣсячникъ «Новый Домъ».

— Вышелъ новый романъ Роберта Хиченса «Богъ въ немъ». Герой его — еврей.

— Въ изданіи Христіанскаго Студенческаго Ліпнченка вышла книга проф. Н. С. Арсеньева «Мистика въ Восточной Церкви». Книга переведена А. Чэмберсомъ съ немецкаго изданія.

— Вышли по англійски воспоминанія С. А. Мальсагова о Соловкахъ.

Памяти проф. И. А. Линниченко

1858 — 1926.

Нѣсколько дней назадъ въ русскихъ за рубежныхъ газетахъ появилось вѣщеніе о смерти въ Россіи профессора Ивана Андреевича Линниченко. Въ его лицѣ, русская историческая наука потеряла одного изъ видныхъ своихъ представителей.

И. А. Линниченко началъ свою научную дѣятельность еще въ началѣ послѣднихъ годовъ прошлаго вѣка въ качествѣ ученика вѣдѣннаго кievскаго историка Вл. Б. Антоновича. Изъ школы этого крупнаго ученаго покойнаго Ивана Андреевича вывели два основныя своихъ научныхъ интереса — къ изученію историческихъ судьбъ южной, частіе — юго-западной Руси; и къ вопросамъ археологій. Въ первой области проф. Линниченко оставилъ вѣдѣнный сѣдѣ своими работами. Еще на студенческой скамьѣ онъ написалъ интересный очеркъ исторіи вѣча въ Киевской землѣ (1881), не утраченный научнаго интереса и до нынѣ. Магистерскую диссертацию И. А. Линниченко посвятилъ древнѣйшей исторіи русско — польскихъ отношеній (Кіевъ, 1884, вышелъ первый выпускъ). Позднѣе вниманіе И. А. остановило на себѣ исторія Галицкой Руси, которой посвящена — помимо ряда дѣлныхъ статей — докторская его диссертация — «Черты изъ исторіи сословій Галицкой Руси XIII — XIV вѣв.» (Москва, 1894, есть малорусскій переводъ, Львовъ, 1900). Археологические интересы И. А. Линниченко выражались въ археологическихъ его изысканіяхъ совместно съ В. Антоновичемъ, В. В. Хвойко, Мазараклемъ и др., въ постоянномъ энергичномъ участіи едина не на всѣхъ русскихъ археологическихъ сѣздахъ, въ редакторствѣ журнала «Археологическія Извѣстія» въ 90-хъ годахъ въ Москвѣ, и т. п.

Покойный И. А. Линниченко началъ спору учено — педагогическую дѣятельность въ Кіевѣ, а затѣмъ — послѣ изсколькихъ лѣтъ преподаванія въ Московскомъ Университетѣ — на порогѣ XX вѣка получилъ кафедру въ Новороссійскомъ Университетѣ въ Одессѣ, гдѣ прошла вся послѣдующая его академическая работа. Это послѣдній періодъ дѣятельности И. А. не былъ ознаменованъ издательствомъ какого-либо значительнаго научнаго труда, но зато именно здѣсь — въ Одессѣ широко развилась научно — организационная дарованія проф. Линниченко.

Изъ среды его слушателей по Одесскому Университету выдѣлилось значительная группа его непосредственныхъ учениковъ по научной работѣ. Назовемъ, напр., В. Вавецкаго (†), С. А. Аваляна (†), М. Е. Слабченко, Е. А. Загороскаго, П. Г. Кленатскаго, А. В. Флоровскаго и друг., значившихъ свою ученическую дѣятельность подъ руководствомъ И. А. Линниченко.

И. А. былъ постояннымъ покровителемъ ихъ первыхъ ученыхъ трудовъ и при его непосредственномъ участіи были многіе изъ нихъ выпущены въ свѣтъ. Особо нужно отмѣтить изданныя проф. Линниченко «Труды слушателей Одесскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ», два выпуска, 1910 — 11 гг. Увѣчавшемъ этой научно — организационной дѣятельности проф. Линниченко было образованіе въ 1911 году «Библиографическаго Общества», при Университетѣ, въ живой работѣ и изданіяхъ котораго отразились разнообразныя интересы и труды многочисленныя друзья и учениковъ покойнаго ученаго.

Покойный И. А. Линниченко не былъ историкомъ со строго ограниченнымъ кругомъ спеціальныхъ научныхъ интересовъ. Богато одаренный и широко-образованный онъ отзывался на самые разнообразныя культурныя запросы и въ мѣру отдавалъ долю своихъ значительныхъ дарованій. Литература, театр, искусство такъ же какъ и наука привлекали его вниманіе, и въ его обширномъ литературномъ наслѣдіи немало замѣтныхъ очер-

ковъ и страницъ отведено проявленіямъ русскаго творчества во всѣхъ этихъ областяхъ. Самъ И. А. Линниченко былъ живымъ носителемъ множества живыхъ впечатлѣній отъ дѣятелей русскаго искусства и литературы, оживившихъ подъ его искусными и отточенными перомъ или въ его блестящимъ устноиъ рассказѣ. И. А. обладалъ счастливымъ даромъ характеристики, и въ его книгахъ и очеркахъ можно найти дѣльную галерею яркихъ образцовъ русскаго писателя и ученаго. Главнѣйшіе изъ этихъ очерковъ собраны въ книгѣ «Ржій и поминки» (Одесса, 1913).

Любовь общественной и политической жизни вызвали всегда живой откликъ со стороны И. А. Линниченко.

Напомнимъ здѣсь многочисленныя его выступленія по «еврейскому» вопросу, съ которыми онъ подвергалъ строгой критикѣ и историческимъ и общеполитическимъ доводамъ «украинскіе» дѣятели, или его очерки о положеніи русской школы, собранные въ книгѣ «Нужды нашей школы» (Одесса, 1916).

И. А. Линниченко былъ пламеннымъ другомъ книги. Именно въ обстановкѣ его богатой библиотеки (свыше 15,000 томовъ), развивалось его живое общеніе съ учениками и друзьями, въ этой библиотекѣ рождались научные запросы для очередныхъ докладовъ въ библиографическомъ обществѣ, для ученыхъ статей и живыхъ бесѣдъ. Независимыя средства покойнаго И. А., дали ему возможность широко пополнять свое книжное собраніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ, способствовать и содѣйствовать зароденію и рожденію на свѣтъ новыхъ книгъ и изданій. Наталке работѣ помогъ учениковъ И. А. было оуспѣшно при его участіи, многія книги и брошюры самого проф. Линниченко вышла въ свѣтъ — нинѣ въ изысканно-раскошномъ видѣ — на его личный счетъ. Здѣсь любовь къ прекрасной книгѣ перекладала порою въ непреодолимую страсть.

Хотѣлось бы надѣяться, что и послѣ смерти И. А. Линниченко, его книжное собраніе будетъ центромъ научной работъ ютъ и, что ни увидишь, все будто, по всей семьей въ одной горницѣ, въ одинъ таборъ, а я этого не могу. На столѣ весь день русская картина: самоваръ не убранный, возлѣ самовара тарелка съ заваренной горчицей. Бабушка третъ ее съ утра до вечера шершавой ложкой, и, помятно заливаясь въ три ручья, плачетъ отъ нея. Ухъ, говоритъ, и крѣпка же будетъ, мертвому глаза протереть. А на кой лядъ мнѣ эта крѣпка, съ пожелтея я что-ли, позволить спросить? А подъ ногами, на полу — шуки, куча поганыхъ игрушекъ. А жена насѣдкой хлопчетъ, все болна чѣмъ-то, а дочь скучаетъ, Божій свѣтъ не миль, говоритъ, а почему — неизвѣстно: горе отъ ума Гриболава, видимое дѣло. А я этого не могу, я человекъ эластичный, у меня отъ этого шумъ въ ушахъ дѣлается.

— Ужъ чего хуже! — сочувственно подтвердили караульщики. — А отъ этого шуму, говорятъ, вошь на человекѣ кидается.

Иванъ Васильчъ помолчалъ; потомъ поднялся и пошелъ за шалашъ.

— Вошь, не вошь, а не радость, — сказалъ онъ, возвращаясь оттуда, поплеывая на кончики пальцевъ и опять садясь. — За весь день ни покоя тебѣ, ни удовольствія. А ночью сны одолѣва-

— оно еще при его жизни, но въ порядкѣ революціоннаго накопленія» обращено было, къ сожалѣнію, не въ цѣломъ видѣ, въ библиотекѣ историческаго семинарія при Новороссійскомъ Университетѣ.

Вѣтло перебрала въ памяти черты лица покойнаго И. А. Линниченко, трудно перечисляющаго полноту очертченія сложнаго сплетенія его характера и кулъ гурной работъ. Уже давно распался тотъ кругъ отношеній и лицъ, въ обстановкѣ которыхъ протекала его разнообразная дѣятельность, и И. А. ушелъ изъ жизни не въ разгаръ своихъ дѣлъ, когда его смерть была бы такъ замѣтна и чувствительна для всѣхъ, его знавшихъ и дѣлвшихъ, а въ таухую пору безвременья, когда — «одъ нилъ ужъ лѣтъ, а тѣ — далеце».

И. А. Линниченко кончилъ свою жизнь въ Симферополѣ, куда наехала его судьба въ 1910 году и откуда онъ не смогъ больше вернуться въ Одессу. Въ тяжелой обстановкѣ пришлось онъ тамъ посѣдиться своимъ гдѣмъ, вдали отъ своихъ книгъ, своего архива.

Да будетъ легка ему земля!

Ант. Флоровскій.

АНГЛИЯ

— На этой недѣлѣ Барнаду Шоу исполнилось 70 лѣтъ.

— Въ Лондонѣ закончились гастроли Дягилевскаго балета. Въ послѣднихъ спектакляхъ съ большимъ успѣхомъ выступали Лидія Лопухова и Тамара Карсавина, получившія множество цѣтвенныхъ похвалений. Танцовщицу Сергью Липару былъ поднесенъ лавровый вѣнокъ. Липаринировавшій спектаклями Эдусенъ на другой день по окончаніи гастролей выхалъ въ туръ въ Калифорнію.

— Художникъ В. Перфильевъ послѣ путешествія по Испаніи и успешной работы на Балеарскихъ островахъ вернулся на короткое время въ Парижъ. На дняхъ онъ снова уѣзжаетъ на Балеарскіе о-ва. Въ сентябрѣ художникъ возвращается въ Америку.

что готовить, — свинымъ дерма съ хоботомъ не замѣсить и опять же какъ профанъ глупа. Морда снискій, сама какъ мысолотамъ какой. А тутъ еще со-сѣдь тронулся — лавочникъ Шуриновъ, знаете, небось?

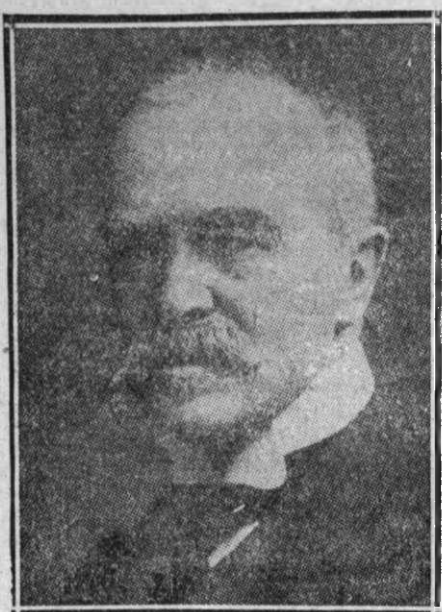
— Какъ не знать, — сказали караульщики. — Съ чего жъ это онъ? По его достатку только жь бы да жить!

— А вотъ подите-жъ, — сказала Иванъ Васильчъ. — Въ отдалку спятилъ. Какъ ни заглянешь — сидитъ ва прилавокъ въ жилеткѣ, голову на руку пристроилъ и читаетъ. На сѣнѣ картину прибилъ: лѣсъ зеленый, дремучій, ели лохматая, избушка полъ нимъ, а на ладнѣхъ полъ нѣ угодникъ, и передъ угодникомъ — медвѣдъ, ручку ему лижетъ. Ой, говорю, Николай Ивановичъ, зачитаешь — въ карманѣ не достигаешь, печалиться — хвостъ замочалится. А онъ въ отвѣтъ на это чуть не въ слезы: жь, Иванъ Васильчъ, не объ карманѣ, говоритъ, намъ съ вами думать надобно. — А объ чѣмъ-же, молъ? — А объ томъ, говоритъ, что нонче тѣ съ друзьями, а завтра съ червями, нынче въ порфирѣ, а завтра въ могилѣ: жизнь наша яко цвѣтъ травный миръ илеть. Что такое, къ при-мѣру, вамириу вливающій? А между тѣмъ это есть смерть. Вотъ, говоритъ,

Два знаменитых чешских историка

ФРАНТИШЕК ПАЛАЦКИЙ
Къ 50-лѣтню его смерти

ЯРОСЛАВ ГОЛЛЬ
Къ его 80-лѣтню

Проф. Ярослав Голль

ПО ПОВОДУ ЕГО 80-ТИЛѢТІЯ

Чешская наука въ концѣ XIX в. г. въ рядѣ торжественныхъ засѣданій помянула скончавшагося 50 лѣтъ тому назадъ (26 мая 1876 г.) великаго чешскаго историка, Франтишка Палацкаго. Непосредственно за этимъ поминками, большою группою чешскихъ историковъ отпраздновалъ восьмидесятилѣтне профессора Ярослава Голля, виднѣйшаго изъ современныхъ чешскихъ исследователей историческихъ судебъ Чехии, пражскаго продолжателя трудовъ Палацкаго, преимущественно въ области релігіозной жизни чешскаго народа XV стол., замѣчательнаго учителя, создавшаго большую школу учениковъ, нынѣ развивающихся на кафедрахъ историческимъ во всѣхъ трехъ университетахъ (въ Прагѣ, въ моравскомъ Брнѣ и словенской Братиславѣ).

Профессоръ Голль родился 14 июля 1846 г. Пройдя университетскій курс въ Прагѣ, онъ работалъ затѣмъ въ Геттингенѣ, у Вайтца и Рейнгольда Пауля, провелъ значительное время (1872—1873) въ Берлинѣ, гдѣ сблизился, по рекомендаціи Пауля, съ посланникомъ Св. Америк. Штатавъ, Банкрофтомъ, которому помогалъ въ его трудахъ по исторіи Соединенныхъ Штатовъ, посѣтилъ Голландію и Англію для разсѣяній о пребываніи Юменгюла въ этихъ странахъ и вскорѣ по возвращеніи на родину, сдѣлался (въ 1875 г.) докторомъ всеобщей исторіи въ пражскомъ, тогда еще нераздѣленномъ университетѣ.

На литературное поприще онъ выступилъ очень рано, какъ поэтъ, обнаружившій несомнѣнное дарование и изысканннй вкусъ, и въ своихъ оригинальныхъ стихотвореніяхъ (самостоятельно вышли въ 1874 г.) и въ переводахъ съ французскаго языка (Беранже), польскаго (Мидкевича) и итальянскаго.

Отмѣнимъ также его статьи (1886 г.): *Дѣло Толстой и его релігія*, гдѣ впервые въ чешской литературѣ философско-релігіознаго воззрѣнія русскаго писателя были изложены въ системѣ и сопоставлены съ ученіемъ о непорочности Петра Хельчицкаго и ранней эпохи чешскихъ братьевъ.

Первые историческіе труды, небольшіе этюды, проф. Голль посвященъ были эпохѣ Тридцатилѣтней войны, ея бурнымъ начальнымъ годамъ, но затѣмъ они перешли къ изученію релігіознаго движенія въ Чехіи, въ XV ст., къ исторіи общины чешскихъ братьевъ и выясненію дѣятельности ея главныхъ представителей, тщательно собирая съ этой цѣлью матеріалы въ архивахъ Герингуа (Охрарова), Блжавы, Фрейберга, Згоруба (Геринда) и создаетъ на основаніи ихъ рядъ живыхъ очерковъ по исторіи Братской общины.

Главнымъ трудомъ въ этой области является большое исследование, замѣчательное по строгости критическаго метода: *Quellen und Untersuchungen zur Geschichte der Boemischen Brudergesellschaft (1878-1882)*, обнимающее начальныя годы жизни Общины и (во второй части) знакомящее съ жизнью и ученіемъ великаго мыслителя Петра Хельчицкаго и опредѣляющее его роль и вѣсто въ духовномъ развитіи чешскаго народа. Внутренней жизни Общины, взаимоотношеній различныхъ группировокъ въ ней и спорамъ отдѣльныхъ партій онъ посвятилъ особое исследование на чешскомъ языкѣ (Братская Община въ XV ст., 1883—1886).

Однимъ изъ послѣднихъ большихъ трудовъ проф. Голля была чешская монографія: *Чехія и Пруссія въ средние вѣка (1897)*, посвященная связямъ Чехии съ Пруссіей, Польшей и Литвой до XVI ст., главнымъ образомъ — сношеніямъ въ гуситскую эпоху.

Въ данномъ спорѣ о подлинности т. н. Крадеворской и Зеленогорской рукописей, знаменитыхъ «новѣйшихъ памятниковъ древней чешской письменности» (по выраженію В. И. Лазарскаго), съ особенной остротой возгорѣвшему въ восьмидесятые и девяностые годы, прошлогоднѣйшій, онъ принялъ участіе блестящимъ этюдомъ, въ которомъ доказывалъ подлинность писемъ первой изъ нихъ на основаніи историческаго разбора ихъ содержания (1897). Проф. Голль принадлежитъ заслуга, вмѣстѣ съ проф. Ант. Резвокомъ, основанія въ 1895 г. *Чешскаго историческаго журнала*, нынѣ издаваемаго его талантливымъ ученикомъ, проф. Пекаремъ. Обширная школа учениковъ профессора Голля, работающихъ нынѣ на попринципъ преимущественно чешской исторіи, есть несомнѣнно лучшей показателъ тѣхъ огромныхъ успѣховъ, которыхъ онъ достигъ на университетской кафедрѣ, какъ учителя. Его образованію историческій семинарій всегда привлекалъ не только чешскихъ слушателей его, но и другихъ славянскихъ историковъ (подъ руководствомъ профес. Голля работали здѣсь и покойный проф. Петроградскаго Университета Н. В. Игнатьевъ).

Съ гордостью и полнымъ сознаніемъ его великаго великаго дѣла, можетъ оглянуться на пройденный долгій жизненный путь застѣтый юбиляръ, которому отъ души желаемъ еще многихъ лѣтъ жизни.

В. А. Францевъ.

Въ Петроградѣ Госиздатомъ выпущенъ сборникъ статей «Пушкинъ въ мировой литературѣ» размѣръ въ 26 печатныхъ листовъ. Въ сборникѣ напечатаны слѣдующія статьи: Б. Томашевскаго «Пушкинъ и Буало», С. Савченко — «Эллигия Ленскаго и французская эллегія», Н. Яковлева — «О Пушкинѣ и англійскихъ поэтахъ», Ю. Тыннова — «Араханскіи и Пушкинъ».

Горѣ тебѣ, члвчѣе, прошли дни твоей юности въ неразумнн, а также и лѣта мужества протекъ ты въ нерадннн. Видишь-ли, какой я есть страшный могильный скелетъ? Но я былъ нѣкогда, какъ ты теперь, и, подобно тебѣ же, расширялъ свои владѣнія, пока непреклонная смерть не заклочила меня въ свои желѣзные объятія. Зри мѣсто вѣчнаго покоя, жилище тихое мертвецовъ, для гражданина и героя, для всѣхъ адамьскихъ сыновъ!

— Понимаете, — сказалъ Иванъ Василнчъ, поднимая голову: — любому Филарету не услугить, а на самого глянешь — даже жуть беретъ: ну, прямо буйволъ дикій, а не чловѣкъ! — Ахъ, не вѣдала наша земля, братушки, — сказала знь, крутя головой. — Сумасклонный мы народъ, съ жиру бѣсимся. Теперь, говорятъ, его ужъ подъ опеку хотять взять да въ Тамбовѣ въ желтый домъ наладить. Да и что-жъ съ нимъ иначе дѣлать? Теперь, говорятъ, одно твердить: амнгдамъ да онагръ, велбудъ да тля, скименъ да вретнше... А чего ему не доставало, чѣмъ онъ недоволенъ? И всѣ мы такъ-то: все не по нашему, все не хорошо да недостаточно. Бду ланеча по селу со станціи, а впереди — зло-оровый балачка: двубада распояскай, годова взло-

мачена, раздралъ гармонью на три версты и оретъ на всю округу: «Охъ, какой усе имѣнье, самъ заросъ у камени!» — Шутки шутками, а видимо, неспроста мы такъ-то шутимъ: дошутимся!

— Ну, а что-жъ въ городѣ говорить? — спросилъ одинъ изъ караульщикъвъ. — Когда жъ эта война кончится? Правда, будто и французскій царъ на наше колебается?

— Этого не слыхалъ, — сказалъ Иванъ Василнчъ. — Вратъ не хочу. Этого не слышали. Да тамъ, говорятъ, и царя-то никакого нѣту. Опять же они и союзники наши, эти самые французы. Правда, поумнѣе насъ чуточку будутъ, — все народы подь нѣмца нашу дурацкую башку подставить, моль, помри ты нынче, а я завтра, ну, а все таки союзники.

Нѣмецкій поэтъ о Толстомъ и Родзѣнѣ

Въ «Нувель Литераръ» очереднаго бесѣда Фредерика Лефевра («Une heure avec...») посвящена Райнеру-Маріи Рильке — крупнейшему лирическому поэту современной Германіи, котораго только сейчасъ начинаютъ по настоящему узнавать и цѣнить во Франціи, хотя онъ много лѣтъ прожилъ во Франціи, былъ близокъ съ Родзѣномъ, зналъ Верхарна, дружилъ съ Полемъ Валери, великолѣпные переводы котораго Рильке выпустилъ по-нѣмецки.

Два факта сыграли большую роль въ жизни Рильке, небогату событіями и скрытую, особенно послы войны, отъ глазъ публики. Эти два факта — близость съ Родзѣномъ въ перодъ жизни въ Парижѣ и знакомство съ Россіей, которое было откровеніемъ для Рильке, и въ частности съ Львомъ Толстымъ.

Въ бесѣдѣ своей съ Лефевромъ нѣмецкій поэтъ рассказываетъ какъ онъ впервые прѣхалъ къ Толстому въ Ясную Поляну. «Мы прѣехали въ имѣніе Толстыхъ къ концу утра и передъ завтракомъ насъ провели въ гостиную когда вдругъ въ сосѣдней комнатѣ мы услышали шумъ голосовъ, хлопанье дверей и топанье ногъ. Можно было подумать, что мы попали въ разгаръ какой-то драмы, но это была лишь драма завтрака, повторявшаяся ежедневно. Вдругъ дверь отворилась и показался Толстой. «Нѣтъ, я не хочу завтракать!» Кричалъ онъ, топая ногой... И обратившись къ намъ, которыхъ онъ видѣлъ впервые, онъ воскликнулъ: «Что вы предпочитаете: ити со мной въ лѣсъ, въ поле, или завтракать здѣсь какъ дураки, за столомъ, съ графинами и тарелками?» «Разу мѣется, мы предпочли прогулку въ лѣсу съ Толстымъ завтраку на тарелкахъ» — кончаетъ Рильке.

О Родзѣнѣ Рильке рассказываетъ такой фактъ.

«У Родзѣна было нѣсколько ателье, такъ какъ онъ долженъ былъ постоянно избѣгать славы, посѣтителей, окружающихъ... Въ послѣдніе годы онъ становился все меньше и меньше свободнымъ: Г-жа Родзѣна была очень ревнива... Однажды Родзѣнъ ушелъ изъ дому рано утромъ, не говоря куда. На лицѣ его было написано веселое нетерпѣніе. Встревоженная, г-жа Родзѣнъ рѣшила послѣдовать за нимъ. На вокзалѣ Сентъ-Лазаръ Родзѣнъ сѣлъ въ поѣздъ и сошелъ на третьей станціи. Жена сѣдова за нимъ. Онъ вышелъ съ вокзала и прошелъ нѣсколько улицъ увѣреннымъ шагомъ чловѣка, знающаго куда онъ направляется. Вотъ онъ у цѣли! Посрединѣ площади. Онъ поднимаетъ вверхъ глаза. У Родзѣна было свиданіе съ Шартрскимъ соборомъ!»

Изъ бесѣды Рильке съ Лефевромъ мы узнаемъ, что Рильке еще тогда, когда началъ изучать русскаго языка, перевелъ одинъ романъ Достоевскаго. Переводъ этотъ никогда не было напечатанъ.

ФРАНЦІЯ

— Шарль Вильяркъ готовитъ книгу прозы подъ заглавіемъ «Разсказы». Книга будетъ иллюстрирована гравюрами на деревѣ Ангелины Бьяновой.

— Копія памятки извѣстнаго поэта — паризскаго Эреды, поставленнаго въ Люксембургскомъ саду, отпралена на о. Кубу, родину поэта.

— Комитетъ, состоящій изъ румынскихъ писателей, присудилъ франко-румынскую литературную премию романисту Г-ма Рокка, автору романа «Honorable partie de tmapraves». Въ свою очередь комитетъ Фемина присудилъ свою франко-румынскую премию писателю Букутца за романъ «Красный платокъ».

— Вышла книга Анилы Астри о художникѣ Тулузѣ-Лотрекѣ. Къ книгѣ приложены послѣдніе страницы, написанныя покойнымъ Гюставомъ Жеффруа, председателемъ Академіи Гонкуровъ.

— Съ 30-го июля по 2 августа въ Клермонъ-Ферранѣ будетъ происходить второй конгрессъ французскихъ писателей подъ предсѣдательствомъ академика Пьера де Ноляма.

— Во французскихъ газетахъ напечатано письмо Жана Кокто, устанавливающее подлинность выпущеннаго издательствомъ «L'Édition» изданія въ Шампини сборника эротическихъ стиховъ, якобы принадлежавшихъ перу молодого безразлично по имени писателя Раймонда Раднѣ, автора двухъ романовъ, изъ которыхъ одинъ — «Le diable au corps» — составилъ Раднѣ имя, когда онъ былъ еще почти мальчикомъ. Кокто пишетъ, что всѣ рукописи Раднѣ находятся у него. Издательство Грассъ возбуждаетъ противъ неизвестныхъ издателей судебное пресѣдованіе.

очень больна, а больна потому, что ей Вильгельма очень жалко, и будто завелся тамъ какой-то мужикъ, страшный распутный будто бы... Ну, завелся и завелся, говорю. Да народъ, говоритъ, изъ-за этого очень волнуется. Опять брешешь, говорю, это, можетъ, господа волнуются, а мнѣ чего волноваться? Да и послать его куда подалъ, гдѣ онъ у матери былъ, и балакать съ нимъ больше не сталъ. Не можеть того быть, чтобы наша не взяла!

— Не знаю, не знаю, — сказала Иванъ Василнчъ, глядя въ землю. — Не знаю, а вѣрить не вѣрю. Вѣрю, какъ говорится, только звѣрю, собакъ да ежу, а про меня пожогу. Думаю, что нарядъ, братушки, наврядъ наша возьметъ. Побѣдить одинъ тотъ, у кого нервы хороше. А нашъ братъ что? Спервоначалу ухъ какъ горячо беремъ, а потомъ и въ кулаки, ну его моль, къ чорту, налодо. Это какъ горшокъ базарный, изъ паршивой глины: нагрѣваться въ одинъ секундъ, да въ одинъ секундъ и стынеть. — Нѣтъ, ихній солдатъ съ соображеніемъ, со смѣлкой. У него въ ранцѣ и карты, планы всякіе, прейскуранты, какіе надо, и фляжка съ ромомъ, — онъ знаетъ, по какой мѣстности итеть! А главное, онъ обо всемъ разсудитъ, можеть и про отеч-

Къ образованію кабинета «Национальнаго Единенія» во Франціи

Слѣва:

Справа:

Р. Пуанкарѣ сѣдѣетъ о сформированіи имъ кабинета «Национальнаго Единенія».

Слѣва:

Справа:

Г. Эррио покидаеть Президента Республнка, вручивъ ему отставку кабинета.

Внизу:

На парижской биржѣ.

Въ Александріи на французскомъ языкѣ выпускаются періодически (6 разъ въ годъ) сборники, посвященные отдѣльнымъ странамъ и народамъ Востока. Вышли «персидскій» и «арабскій» сборники, въ ближайшемъ будущемъ появятся японскій, китайскій, монгольскій, индусскій, еврейскій и др. Въ сборникахъ участвуютъ туземные и французскіе писатели.

Въ восьмомъ, июльскомъ номерѣ этого интереснаго журнала особое вниманіе обращаетъ на себя статья епископа Веніамина «Какъ изучать Святыхъ Отцовъ», являющаяся продолженіемъ статей, напечатанныхъ въ 5-мъ и 7-мъ номерахъ Вѣстника.

Авторъ указываетъ на два способа читать святоотеческія писанія — «научный» и «назидательный», онъ не отрицаетъ пользы перваго способа, но душа его лежитъ больше ко второму, при которомъ повторяя слова Владыки: «мало по малу воспитывается замѣчательное «чувство» Святыхъ Отцовъ», какъ бы ощущение ихъ духа — святоотеческое чутъе». Это — глубокая мысль, и лучше всякой другой можетъ быть, именно она объясняетъ разницу. Нельзя сказать, чтобы на Западѣ не обращали вниманія на Отцовъ Церкви: достаточно вспомнить о знаменитомъ полномъ собраніи твореній св. Іоанна Златоуста, изданномъ по гречески Савилемъ въ Итонѣ, въ Англии, въ началѣ 17 столѣтія, тогда, когда у насъ было смутное время. Однако, всѣ западныя, греческія и латинскія изданія Отцовъ, были трудами ученыхъ для ученыхъ и до церковнаго народа не доходили.

На Руси такихъ научныхъ произведеній не появлялось, зато тамъ Учителн Церкви, а св. Іоаннъ Златоустъ въ особенности, были не школьными, университетскими, чужими авторами, а своими, близкими.

Правда, не все было переведено на славянскій языкъ, но все же неизмѣримо больше, чѣмъ на французскій, англійскій, нѣмецкій и другіе западно-европейскіе языки. При этомъ переведенное не лежало втупѣ, а постоянно и прилежно читалось не только клириками и монахами, служивъ имъ пищей для размышленія и источникомъ назиданія.

Всѣ это положило на душу русскаго чловѣка неизгладимый отпечатокъ душевнаго христіанскаго эллинизма въ отличіе отъ штемлея сухой латинской культуры на западныхъ европейцахъ. Дай Богъ, чтобы мы опять начали читать Святыхъ Отцовъ и этимъ окупилась бы въ родную намъ животворную стихію. Для этого было бы очень полезно статьи епископа Веніамина собрать и выпустить отдѣльной брошюрой. Такое начинаніе тѣмъ болѣе желательное, что по части релігіозности среди нашей молодежи, вопреки общепринятому мнѣнію, не все обстоитъ благополучно. Неумогимый отецъ діаконъ Липеровскій объѣхавшій Балканы, въ своей корреспонденціи изъ Сербіи, помѣщенной въ этомъ же номерѣ журнала, предостерегаетъ насъ отъ иллюзіи. Вотъ что онъ пишетъ:

«Всего въ Бѣлградѣ около 500 студентовъ. По свѣдѣтельству многихъ, живущимъ въ общестіи и въ томъ числѣ членовъ Братства и кружка — отношенія большинства студентовъ къ вѣрѣ въ Христа и къ Церкви или неясное, индифферентное, или даже враждебное, — но говорить объ этомъ избѣгаютъ. По внѣшности все обстоитъ будто благополучно.»

Для многихъ такая слова явятся большимъ огорченіемъ, но отъ огорченія всегда польза: они напоминаютъ о необходимости работы.

Въ заключеніе слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о программѣ Вѣстника; она продумана очень тщательно. Въ журналѣ семь отдѣловъ: 1) Вопросы духовной жизни, 2) Христіанство и современность, 3) Церковная жизнь, 4) Пути христіанскаго движенія, 5) Хроника, 6) Библиографія, 7) Почтовый ящикъ.

Во II, III, IV и V отдѣлахъ содержится масса интересныхъ фактическихъ свѣдѣній изъ всѣхъ мѣстъ расселенія русскихъ объ ихъ релігіозной жизни.

Журналъ издается и редактируется группой молодыхъ энтузіастовъ; онъ является однимъ изъ очень уютнѣйшихъ явленій русскаго зарубежнаго жизни и заслуживаетъ общей поддержки.

Страницы.

ЭЛЕКТРОСТАНЦІЯ РИНКАНЪ

До послѣдняго времени самой мощной электростанціей въ Европѣ была знаменитая электростанція Вальхензеверкъ, въ 90 километровъ къ югу отъ горъ Мюнхена, развивающая 180.000 лошадиныхъ силъ и являющаяся основой для всей электрофикаціонной системы Баваріи. Эта станція имѣетъ 110.000 вольтъ напряженія.

Но нынѣ рекордъ въ Европѣ побитъ: недавно открытой въ Норвегій новой электростанціей Ринканъ, развивающей чудовищную мощность въ 250.000 лошадиныхъ силъ. Станція эта расположена на южной сторонѣ Норвегій, вблизи горъ Шинъ, родины Генрика Ибсена, у подошвы горъ съ вершинъ Гангста.

Движущую силу воды для своихъ водяныхъ турбинъ станція эта получаетъ по громаднымъ трубопроводамъ, свыше одной сажени въ діаметрѣ, изъ горнаго озера Мьесерендъ, расположеннаго на вершинѣ горъ, на высотѣ 3.000 футовъ надъ уровнемъ моря. Рабочая высота спада составляетъ 575 метровъ, а общая сумма воды, поступающей къ названному озеру по 10 трубопроводамъ къ 10 водянымъ турбинамъ станціи, составляетъ 50.000 метровъ воды въ секунду. Станція эта является нынѣ основой для всей электрофикаціонной системы Норвегій (Норскъ Гидро) и по подвѣннымъ проводамъ снабжаетъ своей электроэнергіей всю Норвегію.

Обильные запасы воды этого озера, регулярно пополняемые природой да счетъ мѣстнымъ полноводнымъ осадкамъ (въ какомъ-то мѣстѣ испаряющая сила солнца играетъ роль могучаго насоса), обеспечиваютъ непрерывное дѣйствіе этой выдающейся электростанціи.